

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 352.075

ИМИТАЦИИ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

IMITATIONS IN THE SYSTEM OF MUNICIPAL MANAGEMENT

В.П. Бабинцев, В.А. Титова
V.P. Babintsev, V.A. Titova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru; Titova_VA@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения имитационных практик в системе муниципального управления. Дается определение имитаций как системы действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются симуляциями в формах демонстраций, деклараций и декораций. На материалах социологического исследования демонстрируется, что имитации стимулируются корпоративным характером бюрократического управления и ведут к нарастанию отчужденности между муниципальной властью и населением.

Resume. The problem of distribution of imitating practices in the system of municipal management is analyzed in the article. Imitations are a system of actions when real values and senses are replaced and substituted for simulations in forms of demonstrations, declarations and decorations. On materials of sociological research it is shown that imitations are stimulated with corporate character of bureaucracy and conduct to increase of estrangement between municipal authority and the population.

Ключевые слова: муниципальное управления, имитации, имитационные практики, симулякры.
Key words: municipal management, imitations, imitating practices, simulacrums.

Новое индустриальное общество, довольно причудливым образом совмещающее в себе черты модерна, ретроархаики и так называемого постмодерна постоянно воспроизводит и распространяет элементы формальной рациональности, то есть рациональности для самой себя, в которой смыслы исчезают, а ритуалы приобретают доминирующее и единственно приемлемое значение.

Типичным примером формальной рациональности являются имитации, представляющие собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются симуляциями в формах демонстраций, деклараций и декораций. Масштабность подобной подмены не могла не стать объектом исследований и получила свое обоснование в различных вариантах концепций «утраты реальности», разработанных в трудах Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, А. Турена [См, напр., Бодрийяр Ж., 1993; Бодрийяр Ж., 1996; Делёз Ж., 1998; Лиотар Ж.-Ф., 1998].

Подменяющие реальность симулякры, в интерпретации этих авторов (разумеется, между их подходами имеются различия, впрочем, не меняющие сути концепции) искусственно навязываются социуму в форме базовых системообразующих характеристик, смыслов, информационных кодов, превращаются в самодостаточную реальность, что означает деструкцию реального и упразднение социального. В результате общественная ситуация приобретает ряд характеристик, определяющих ее уникальность. К ним относятся:

- предельно широкое распространение практики замены реальности псевдореальностью, нередко не имеющей с действительностью ничего общего, искажающей;
- возвышение группы людей, создающих и мультиплицирующих симуляцию и рассматривающих себя в качестве новой генерации демиургов, а значит претендующих на особый, избранный статус;
- использование симулякров для тотального манипулирования массовым сознанием.

Посредством понятий симулякра социологии постмодерна удалось зафиксировать феномен тотальной семиотизации социального бытия, в процессе которого означаемое без означаемого приобретает статус единственной и самодостаточной реальности. Весьма существенно, что семиотизация охватывает и муниципальное управление. Казалось бы, она относится к числу сфер, наименее подверженных распространению имитационных практик в силу изначальной ориентированности муниципалитетов на реальные проблемы, включенности в их работу сравнительно широких слоев населения.

Особенности муниципального управления обычно раскрывают в следующих положениях:

- муниципалитет – это особенная организация, преследующая чисто социальные, некоммерческие цели (повышение жизненного уровня местного населения) и поэтому критерием эффективности и результативности его деятельности является не получение прибыли, как в обычной организации, а то, как живет местное население, то есть уровень и качество его жизни;

- муниципалитет в своем управлении должен опираться на использование главного своего местного ресурса – человеческого, поэтому принятие и реализация управленческих решений на муниципальном уровне происходят совершенно иначе, чем на любом ином уровне;

- муниципальное управление основано на ценностях, ресурсах, задачах и возможностях, связанных с местом непосредственного проживания человека; здесь человек ощущает себя привязанным к месту проживания невидимыми нитями любви к «малой Родине» и поэтому объективно заинтересован в обустройстве этого места, повышении качества и уровня своей жизни;

- муниципальное управление – это множество одновременно реализуемых задач, каждая из которых носит локальный, частный характер; из этого логически вытекает и стремление муниципальной власти решать каждую из этих задач локальными мерами [Гладков А.В., 2006, С. 49-50].

Однако даже на муниципальном уровне имитации получают широкое распространение.

Исследование, проведенное нами в 2011 году в Белгородской области (респондентами выступили муниципальные служащие (N=450 человек); население (N=700 человек) и эксперты (N=30 человек), показало: треть муниципальных служащих 79% экспертов 67% и граждан убеждены – имитации в настоящее время являются неотъемлемым элементом муниципального управления.

Примечательно, что носителями имитационных практик являются, практически, все участники управления, совместными усилиями которых на муниципальном уровне формируется своеобразный имитационный консенсус, заключающийся в конструировании правдоподобия и в конвенциональном принятии его в качестве основания для решений и действий. При этом правдоподобие представляет собой особый вид имитаций, в процессе которых ценности (правда – ценностная категория, в отличие от истины – категории гносеологической) замещаются их символическими отображениями, обладающими свойством «похожести» на социальные реалии в частности, но различающимися с ними в смысловом отношении.

Наиболее последовательным конструктором правдоподобия становится муниципальная бюрократия, изначально предрасположенная, согласно М. Веберу, к конструированию формальной рациональности. Этому способствует ряд особенностей бюрократического мышления, к числу которых относятся:

• **установка на упрощение (примитивизацию) социальных явлений и процессов**, стимулирует контрастное восприятие реальности, без учета нюансов и многообразия возможностей, в то время как социум становится все более вариативным, социальные системы – нелинейными, что, кстати, делает их потенциально открытыми для стратегических прорывов. Успех управления все более зависит от способности его акторов к вероятностному (пробабилитическому) мышлению. Но бюрократическая самоорганизация с ее установкой на стандартизацию «замыкает» личность на противоположный подход, главной ценностью в котором становится однозначность выбора, точнее его отсутствие. Возвышение шаблонности до уровня универсальной ценности губительно не только для управленческой культуры, но и для культуры в целом. Она

служит основанием для стандартизации мышления и восприятия любых отклонений, независимо от их содержания и потенциала, в качестве недопустимых, ненормальных и неприличных. Именно в результате такой подмены реальное развитие заменяется его симулякрами. В условиях сельских муниципальных образований эта тенденция стимулируется косностью социокультурной среды, которая многократно усилилась в последние десятилетия в результате деградации культуры и образования, причины которой связаны, в том числе, и с бюрократизацией этих сфер.

• **деформированный корпоративизм.** Корпоративный характер административной среды – явление вполне естественное, особенно сегодня, когда управление все чаще строится на основе командного принципа, а для определения корпорация приобретает ключевое значение понятие команды. Она понимается как «коллектив единомышленников, объединившихся вокруг лидера. Команда обычно существует и действует как структура, внутри которой неформальные отношения могут иметь не меньшее, а порой и более важное значение, нежели формальные» [Овчинников М.А., 2004, С. 28]. Это утверждение относится даже к чиновничьему корпоративизму в муниципальных структурах. Естественность корпоративных отношений применительно к системе муниципального управления в свое время успешно доказал в своей диссертации волгоградский исследователь И.Н. Воронин. И, несмотря на невосприимчивость к этой идее части научного экспертного сообщества, можно констатировать: корпоративные отношения на муниципальной службе не имеют однозначно негативного содержания. Групповая солидарность, независимо от того, где она проявляется, часто становится одним из необходимых условий достижения коллективных целей, защиты профессиональных интересов и самореализации личности [Воронин И.Н., 2007].

Негативные следствия корпоративизма проявляются при нарушении меры, когда поддержание их становится самоцелью, достигается неправовыми, либо аморальными способами, «свои» корпоративные интересы противопоставляются «чужим», которые изначально объявляются недопустимыми. В данном случае вполне применим вывод М.А. Овчинникова о складывании «нездоровой» корпоративной культуры. К числу ее признаков он относит принятие решений на основе личных взаимоотношений; враждебность к организационным изменениям; назначение менеджеров, ориентирующихся на текущие проблемы, но не на перспективу; нежелание использовать чужой опыт, существование «синдрома превосходства» [Овчинников М.А., 2004, С. 68-69]. Существенным маркером деформированного корпоративизма является группомыслие, представляющее собой состояние массового внутригруппового конформизма, обычно возрастающего по мере сплочения коллектива с одновременным непреднамеренным подавлением рефлексии и критики.

Деформированный бюрократический корпоративизм опасен еще и потому, что искажает систему коммуникаций между группами, поскольку не предполагает элементарного уважения к позиции контрагента – представителя иной (менее успешной корпорации). Приверженность этой установке, как администраторов, так и их подражателей из других статусных групп десоциализирует общественные практики, поскольку, если следовать М. Веберу, «социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других» [Вебер М., 1990, С. 626].

• **адхократическое (от ad hoc – по случаю) отношение к объектам управления и социальным проблемам,** если последние не затрагивают личные интересы администратора. Приоритет формальных оснований деятельности администратора делает его мало способным к осмыслению общих вопросов, к выявлению фундаментальных процессов и тенденций общественного развития. Общие вопросы требуют понимания исторических перспектив, готовности и способности выносить ценностные суждения. Но необходимым условием функционирования бюрократии является сознательный отказ от открытого обсуждения общих ценностно-смысловых проблем, право на которое передается руководителям.

В результате минимизируются возможности освоения администраторами технологии стратегического управления, несмотря на то, что такую задачу перед ними все чаще, но, как правило, безуспешно ставит руководство. Администратор, а особенно – государственный или муниципальный чиновник, ориентированы не на перспективу, но на ситуацию, поскольку от степени разрешения ситуативных проблем зависит оценка их деятельности. Адхократическое отношение к реальности присуще представителям различных социальных и профессиональных групп и используется ими в конкретных ситуациях, но только в бюрократической среде оно становится нормой и легитимируется, а попытка думать о будущем – непозволительным отклонением.

• **преувеличенная символическая демаркация,** как условие построения внутренних и внешних коммуникаций. Она выражается в строгом различении статусов, в наделе-

нии их повышенной ценностью и – соответственно – в перенесении статусных ценностей на личность. Демаркация постоянно и последовательно разделяет «своих» (то есть тех, кто непосредственно включен в административно-управленческий процесс или в какой-либо форме причастен к нему) и «чужих», остающихся «по ту сторону» аппарата управления, являющихся объектом воздействия. Символически демаркация выражается в наличии системы чинов (на государственном и муниципальном уровне), использовании специфической лексики, возможности участия в престижных акциях (мероприятия), демонстрации доступа к эксклюзивной информации и людям, квалифицируемым как носители власти (демонстрация связей). Внутри самой административной системы ее участники разграничиваются по должностям. При этом каждый шаг продвижения по карьерной лестнице сопровождается наращиванием символического капитала человека.

• **идеализация и универсализация практики административного контроля.** Убежденность, если не во всеисии, то, по меньшей мере, в исключительно широких возможностях контролирующих практик является типичной чертой представителей бюрократической системы. При этом контроль воспринимается чиновниками крайне односторонне, как формальный акт, осуществляемый официально, уполномоченными на это структурами и должностными лицами. Неформальное контролирующее воздействие, реализуемое институтами гражданского общества и отдельными гражданами, обычно формально декларируется, но далеко не всегда приветствуется на практике. Более того, государственные и муниципальные чиновники часто создают сложную систему барьеров, препятствующих повышению уровня открытости их деятельности и доступности для внешней оценки.

• Создание таких барьеров сочетается с более или менее ясно выраженным, но устойчивым стремлением расширять пределы формального контроля, увеличивать число подлежащих ему объектов, делать все более изощренными формы и методы и усиливать жесткость регламентирующих контроль правил и соответствующих практик, заменяя ими реальные действия.

• **системное воспроизводство иррационализма,** точнее «транспирационализма», воплощающегося в практике квазирационального конструирования формальных систем при исключении рационально обоснованных смыслов. В практике управления довольно часто возникает парадоксальная ситуация, характеризующаяся химерическим сочетанием логики конкретных технологически выстроенных действий, в рамках которой каждое последовательное более или менее органично увязывается с предыдущим и потому является обоснованным, и их содержательной абсурдностью в контексте исторической перспективы. Безусловно, транспирациональные практики имеют различную степень распространения в организациях и корпорациях, что в значительной степени определяется спецификой сферы деятельности, ограничивающей возможности административного абсурда. Но, в любом случае, эта тенденция имеет место, формируя у администраторов психологию двойных стандартов.

Эти черты бюрократического формально-рационального сознания (а следует отметить, что в современной России получает распространение корпоративный тип бюрократии, наиболее склонный к продуцированию формальной рациональности) стимулируют внедрение имитационных практик. В ходе проведенного нами исследования это подтвердили эксперты, которые выделили следующие наиболее распространенные имитации: формулировка внешне привлекательных, но недостижимых целей (61%); изображение чиновниками бурной деятельности при реальной пассивности (39%); создание функционально необоснованных структур (39%); производство никому не нужных бумаг (33%); проведение формальных процедур, не влияющих на принятие решений (28%); организацию мероприятий «для галочки» (28%).

Склонность современных муниципальных чиновников к конструированию правдоподобия стимулируется рядом факторов.

Во-первых, такая установка является следствием корпоративного характера бюрократического управления. Российский муниципальный чиновник, вопреки сути муниципального управления, чрезмерно ориентирован не на объект, но на себя или руководство. Опрос, в частности, показал: только 37% муниципальных служащих указали, что представляют «интересы населения»; 29% – «интересы руководства», 17% – «интересы государства», 5% – «собственные интересы». Остальные не ответили, что дает серьезные основания усомниться в их ориентации «на народ». Примечательно, что лишь 10% жителей убеждены: муниципалы представляют интересы населения.

Во-вторых, имитации являются своеобразной защитной реакцией муниципальных служащих на чрезмерное усложнение задач при явном дефиците необходимых для их решения ресурсов. Это усложнение проявляется в нарастании формальных требований (67% чиновников отметили эту тенденцию), росте бумагооборота.

В-третьих, склонность к имитациям представляет собой своеобразную квазитехнологию «снятия ответственности» в тех случаях, когда поставлены нереальные задачи. В этом убеждены 39% экспертов.

Наконец, в-четвертых, чиновники все чаще берут имитации на вооружение тогда, когда ощущают свою недостаточную профессиональную компетентность.

В результате имитаций в муниципальном управлении нарастает сложность и противоречивость социальной реальности. Главный деструктивный эффект имитационных практик (мы не отрицаем, что в некоторых случаях они дают и позитивный результат, например, сглаживая часть конфликтов, облегчая адаптацию к неблагоприятной реальности) состоит в размывании различий между действительными и мнимыми смыслами муниципального управления, его общезначимыми и сугубо корпоративными функциями.

Последствия имитационной деятельности в муниципальном управлении приобретают все более негативный характер. Они выражаются, прежде всего, в росте социального отчуждения, кризисе доверия населения к местной власти.

Список литературы References

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. Сб. переводов и рефератов. – Минск. Без изд., 1996. – С. 32-47.
Bodriyyar ZH. Simulyakry i simulyatsii // Filosofiya epokhi postmoderna. Sb. perevodov i referatov. – Minsk. Bez izd., 1996. – S. 32-47.
2. Бодрийяр Ж. О совращении // Ad Marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. – М., 1993.
Bodriyyar ZH. O sovrashchenii // Ad Marginem'93. Yezhegodnik Laboratorii postklassicheskikh issledovaniy IF RAN. – M., 1993.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 805 с.
Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. – M., 1990. – 805 s.
4. Воронин И.Н. Управление развитием корпоративных отношений в органах местного самоуправления города (на материалах Волгоградской области): Диссертация ... канд. соц. наук: 22.00.08. Белгород, 2007. – 181 с.
Voronin I.N. Upravleniye razvitiyem korporativnykh otnosheniy v organakh mestnogo samoupravleniya goroda (na materialakh Volgogradskoy oblasti): Dissertatsiya ... kand. sots. nauk: 22.00.08. Belgorod, 2007. – 181 s.
5. Гладков А.В. Проблемы городского муниципального управления в Российской Федерации // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – № 8 (48). – С. 47-53.
Gladkov A.V. Problemy gorodskogo munitsipal'nogo upravleniya v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 8 (48). – S. 47-53.
6. Делёз Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. Н. Б. Маньковской и Э.П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
Deloz ZH. Razlichkiye i povtoreniye / Per. s fr. N. B. Man'kovskoy i E.P. Yurovskoy. – SPb.: Petropolis, 1998. – 384 s.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н. А. Шматко. – М., Спб.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1998. – 160 с.
Liotar ZH.-F. Sostoyaniye postmoderna / Per. s frants. N. A. Shmatko. – M., Spb.: Institut eksperimental'noy sotsiologii: Aleteyya, 1998. – 160 s.
8. Овчинников М.А. Корпоративная культура в системе социального управления: Диссертация ... канд. социол. наук. 22.00.08. – М., 2004. – 116 с.
Ovchinnikov M.A. Korporativnaya kul'tura v sisteme sotsial'nogo upravleniya: Dissertatsiya ... kand. sotsiol. nauk. 22.00.08. – M., 2004. – 116 s.